

ТАТЬЯНА ВЕДЕНСКАЯ

МАЛЕНЬКАЯ
ЖЕНЩИНА

МОСКВА
2022

*Огромная благодарность:
Венере, богине Ремонта, — за мысли,
которые она невольно породила в моей душе.
Одному спасателю с зелеными глазами —
за чудесный рассказ о его работе.
Алисе, боевой подруге, — за то,
что она есть в моей жизни.
Моему мужу Игорю — прекрасней тебя
нет никого на свете.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ПОНАЕХАЛИ!

Глава первая, *в которой я порочу образ советской женщины*

Кто бы мог подумать, что я окажусь способной на такое! Кинуться в объятия первого встречного, словно я мартовская кошка, а не серьезная женщина с большим опытом и сильным рациональным началом. Точнее, я всегда старалась такой быть, понимая, что в жизни хорошо живется только прагматикам. В своем рационализме я не дошла до цинизма. Но и до романтической дурочки мне далеко. То есть было далеко, вплоть до сегодняшнего дня, когда я бросилась в омут, позабыв последний разум. Что это было? Весеннее обострение? Так на дворе лето. Или у меня такой особо затянувшийся приступ эротической эпилепсии? А вдруг это... любовь? Нет, конечно! Любовь? Я смеюсь вам в лицо, но на всякий случай скрещиваю за спиной пальцы. Ибо, не дай бог... Только этой проблемы мне сейчас и не хватает! Не подумайте, что я жалуюсь на жизнь. Просто поверьте на слово — я знаю, что такое проблемы. Однако сейчас моя жизнь — практически лучезарный автобус, направляющийся в светлое

будущее. Будущее, которое я капля по капле продумала, выцедила, выносила и теперь воплощаю в жизнь. Я не против здорового секса в свободное от работы время, но если говорить в целом, то мужчины еще ни разу не помогли мне решить проблемы. Они их только создавали. И что теперь? Любовь? Ну уж нет, только не сейчас, когда все стало приходить в какую-никакую норму. Только я начала прилично жить, как вдруг Любовь! Это смешное слово разбило жизнь не одной наивной дурочке, поэтому я во что бы то ни стало решила считать свой поступок кратким приступом буйного помешательства, при котором пациент неконтролируемо срывает с себя одежду и несет всякую чушь, строя глазки совершенно постороннему мужику. Ну и что, что мне хочется махнуть на все рукой и бежать к нему без оглядки! На то человеку и дан Жизненный Опыт, чтобы суметь вовремя заткнуть фонтан своего темперамента. Но обо всем по порядку.

Принято считать, что женщины любят ушами, а мужчины — глазами. Не знаю, как у вас, а в нашем развеселом трудовом коллективе мужчины в основном любят руками. И прочими частями тела. И если уж они пользуются языком, то не для того, чтобы выдавить из себя парочку комплиментов. Слова они оставляют при себе. Я работаю фельдшером на «Скорой помощи», а это место, как известно, максимально приближено к боевому рубежу. Опасность, экстрим, близость смерти — все это не только пугает, но и возбуждает. Поэтому на «Скорой» романы случаются чаще, чем выпивоны.

Странное дело, отчего все так уверены, что врачи «Скорой помощи» пьют? Думается, это последствие популярных в народе анекдотов. Однако реальность заключается в том, что если кто и может пить на работе — то только не доктор в синей форме, раскатывающий по городу в «Газели» с красной полосой. Невролог из республиканской больницы — пожалуйста, терапевт районной поликлиники — всенепременно, а для медбрата из травмы это вообще святое. Но в «Скорой» невозможно. Даже если не поймает линейный контроль, который, надо заметить, лютует хуже вашего ГИБДД и тоже заставляет дышать в трубку. Хотя, скорее всего, поймает. Вопреки всеобщему заблуждению пациенты обычно отрицательно относятся к запаху перегара и всенепременно пожалуются начальству. Оно тут же стукнет линейному контролю, и на подстанции вас будут ждать люди с трубкой в одной руке и заявлением о вашем уходе в другой.

Но даже если пить аккуратно, на смену являться максимум с похмелья, а на работе старательно жевать какой-нибудь ядреный «Орбит», все равно вылетишь. Как миленький. Ибо нашего ритма не выдержит ни один пьянчужка. У нас, откровенно говоря, и трезвенникам тяжеловато. Так что остается? Конечно же, любовь, которая при нашем здоровом медицинском цинизме совершенно не противоречит соблюдению трудовой дисциплины. Я же, хоть никогда не являлась поклонницей спонтанного секса на рабочем месте, вполне одобряла подобный расклад. Мне нравятся стабильные отношения,

но я предпочитаю не вступать в слишком глубокий контакт с мужчинами. Так безопаснее. Мое тело — это еще куда ни шло, но не лезьте, пожалуйста, ко мне в голову.

Они и не лезли, наши мужики. Да и с чего бы, если и так неплохо. Романтика, а ответственности никакой. Меня это тоже устраивало. Я с трудом могу представить себя внутри какого-нибудь сложного, выматывающего романа. Спасибо, кушайте сами, а я уже сыта. Так сыта, что и вспоминать не хочется. Я бы и не вспоминала, если бы не сегодняшний инцидент, из-за которого я последовательно отреклась от всех своих годами выработанных заповедей. Не доверяй, не ведись, не влюбляйся. Не рассчитывай, не мечтай.

А началось все с того, что меня попросили посмотреть больного. Почему-то, если у людей есть знакомый врач «Скорой помощи», они навсегда забывают телефоны и адреса поликлиник и больниц. И с щенячьей преданностью звонят тебе, чтобы «просто посоветоваться», а в результате я, как правило, мчусь к черту на рога, чтобы лично посмотреть на волдырь или мозоль.

— Машенька, ты не могла бы зайти к Раисе Палне в тридцать вторую? — ласково спросила меня в то утро Полина Ильинична, моя бабуля, квартирная хозяйка, у которой я жила вот уже три года. Три лучших года, которые я провела в одиночестве. Поэтому я не могу ей ни в чем отказать.

— А что с ней такое? — У меня только что закончилась тяжелая смена, я пришла домой

в расслабленном, меланхолическом настроении и мечтала только отоспаться.

— Голова кружится, вдруг давление подскочило? Дочка, она говорит, что у нее в глазах двоится. Вдруг предынсультное состояние. Ты бы глянула!

— Ладно. Какая квартира? — обреченно кивнула я. Моя старушенция и сама обожает болеть и лечиться и втягивает в это всех своих любимых подружек по старости и двору.

— Тридцать вторая. Это в первом подъезде. Душа моя, вы ангел!

— Ага, конечно, — уныло согласилась я. Хотя старушки, которые меня вызывали таким образом, как правило, подкидывали каких-никаких денег. А деньги мне никогда не могли помешать. И хотя сейчас в «Скорой помощи» положение стабилизировалось, особенно если сравнивать с серединой девяностых, когда я только приехала в Москву, зарплаты все-таки оставались на грани выживания.

— Последний этаж. Ее зовут Раиса Пална! Не забудь! — прокричала вслед Полина Ильинична. Можно подумать, мне есть дело до того, как зовут очередную бабуся с давлением, которой хочется укола и душевной беседы о ее здоровье. Я пересекла двор нашего большого П-образного дома в Песчаном переулке, что недалеко от «Сокола», и подошла к первому подъезду. Наш дом был старым. Его построили в сталинские времена для партийной элиты средней паршивости. Трехметровые потолки, изящный плиточный фасад с темно-коричневой каймой, тяжелые лестницы, красивый парк вокруг. Чудесное

место, где живут такие же состарившиеся вместе с домом люди. Бабушки в нашем доме составляли лидирующее большинство. Они сбивались в стайки и, как воробушки, клевали у подъезда. Клевали носом и клевали непрошенных прохожих, которые шли по двору в надежде срезать дорогу до метро.

— Ходюте! Что вам, тротуаров мало, иродам? Ходюте и ходюте.

— У себя дома небось не топчуть траву!

— У себя небось забором все обнесли.

— А на нас правительство экономит, ворюги!

— Ворюги, точно. Здравствуй, Машенька, — любезно растекаются в улыбку морщинистые лица безобидных сплетниц. Меня они любят. Каждая из них хоть раз да просила меня сварганить укольчик или померить давление.

— Добрый день, — рассеянно кивнула я.

— Так еще ж утро, — улыбнулся партер. — Ты со смены, что ль?

— Угу, — кивнула я и прошлепала внутрь.

Лифт по необъяснимым причинам не работал. Не работал именно в этом подъезде, потому что в своем я прекрасно докатилась до пятого этажа. А тут до девятого этажа мне пришлось топать пешкарусом, отчего мое настроение окончательно испортилось. Я хоть и врач, а живой человек, к тому же покуривающий. Одышка и стук в висках — совсем не то, что может порадовать усталого медика. Да еще и дверь злосчастной тридцать второй квартиры оставалась недвижима. Я звонила, а из-за двери раздавалось эхо. Дверь была равнодушна и безучастна.

«Не дай бог, инсульт. Это ж я вообще поспать не смогу», — подумала я.

Отдышалась, огляделась и пришла к выводу, что даже найти слесаря для взлома — это займет целый час, а там, может, бабуся коньки отбрасывает. Прямо сейчас. Я последний раз нажала кнопку и бросилась вниз. Черт-те что, а не день!

— Кто там? — раздался вдруг сверху сонный и явно не старушечий голос. Мужской, я бы сказала. Интересно девки пляшут, что ж он сразу не открыл? Я уже до седьмого спустилась, так что пришлось снова подняться на девятый. Козлы! Все!

— Где Раиса... как там ее... — задыхаясь, спросила я. На меня непонимающе смотрел заспанный помятый мужик лет сорока, в тапочках на босу ногу и в женском байковом халате. Глаза голубые, красивые. А все остальное неопределенно из-за того, что мужик в эту минуту только разлепил глаза.

— Павловна?

— Да. Позвольте пройти? — Я отодвинула его и зашла в квартиру.

— Она ушла! — посеменял он за мной вдогонку.

— Как ушла? Куда? — несколько растерялась я. — А инсульт?

— Какой инсульт? — помрачнел мужик.

— Обыкновенный! Врача вызывали? — Я окончательно разъярилась.

— Мы? — совершенно искренне удивился мужик. — Нет.

— Это тридцать вторая квартира? — на всякий случай уточнила я.

— Ну, естественно, — кивнул тот. — Только вот ни инсульта, ни тети моей дома нет! Ушла на рынок. Зайдите завтра!

— Знаете что... Идите вы в баню. Я со смены, мне ваши шуточки ни к чему, — я развернулась и пошла к выходу.

— Так вы доктор? — Доходит долго. Реакции замедленны. То ли со сна, то ли просто такой от природы.

— И что? — сквозь зубы процедила я. Понятное дело, что злиться нехорошо и что мужик, собственно, ни в чем не виноват, но мне хотелось спать, курить и кусаться.

— А доктора, они все такие злые? — заинтересовался мой собеседник.

— Поголовно! — Я стояла на лестничной площадке и судорожно жала кнопку лифта.

— Лифт же не работает, — ехидно подметил этот негодяй. Надо сказать, что он несколько пришел в себя, стряхнул сонливость и с интересом меня разглядывал. Я с досады стукнула кулаком по сетке лифтовой двери. Она гулко загудела.

— Достали вы меня все, — совершенно искренне молвила я. И пошла к лестнице.

— А можно, я вас напою чаем? — неожиданно сказал незнакомец.

Я обернулась, чтобы проверить, не издевается ли он. Он широко улыбался.

— С чего бы?

— Ну. Чтобы компенсировать вам ложный вызов. Я так понимаю, что тетушка вам про свое головокружение рассказала.

— Ага, — я кивнула. — Тока не мне. Этот бабкин испорченный телефон — просто бедствие.

— Проходите же! Да не стесняйтесь, — он явно не шутил.

Я подумала-подумала, да и вошла в дом. Во-первых, мне было лень снова переться по лестнице. Хоть и вниз, а далеко. Во-вторых, дома-то мне чай придется делать самой. Да и не с чем его дома пить. А тут, может, какая баранка найдется. К тому же они действительно меня дернули попусту, пусть теперь хоть угощают.

— Так и что головокружение? — из вежливости поинтересовалась я. Чтобы поддержать разговор. И постаралась не думать о том, что заходить к незнакомым мужчинам на чай — это точно не в моем стиле. Тем более к мужикам в старушечьем халате. Не иначе как он чем-то меня заинтересовал. Мне тридцать пять лет, я давно уже прекрасно себя изучила. Я еще не успела спросить, как его зовут, а мое тело уже сделало стойку. Такое чувство, что в нас встроен некий подсознательный гормональный анализатор. Механизм точный, почти не дающий сбоев, он определяет, подходит ли тот или иной мужчина в наши партнеры. А может, даже не гормональный, а генетический анализатор. Вот только он никак не определяет, хороший ли человек нас к себе тянет или подлец. Только ДНК-совместимость. А жаль.

— Вы садитесь, пожалуйста. Сейчас я вас напою своим фирменным чаем, — мужик бегал из угла в угол старенькой обшарпанной кухни.

— Фирменным? Это как? С клофелином? — ни с того ни с сего ляпнула я. Мужик расхохотался.

— Смешные вы, медики. С клофелином. Скажете тоже! Меня зовут Дима. А вас?

— Дима? — внутри екнуло. Ну, почему бы ему не зваться каким-нибудь Сережей или Славой? Что, на свете совершенно не осталось других имен?

— Вас тоже зовут Дима? — Он делано удивился.

— Я Маша, — ответила я и замолчала. Мне захотелось уйти.

Димой звали мое самое большое разочарование. Меньше всего на свете мне хотелось вспоминать ту историю. Если только можно сказать про самый большой жизненный облом, что это «та история». Такое или почти такое же случалось, наверное, с каждой женщиной, особенно у нас в России. Но мне-то от этого не легче. Поэтому я стараюсь не вспоминать или вообще сделать вид, что ничего не было. Дима? Кто такой Дима? Ах, тот, с кем я вместе жила на «Курской»! Да-да-да, припоминаю. Смутно.

— Не пойму, вы чем-то расстроены? — Мужик непонимающе смотрел на меня.

— Я просто устала. Целые сутки работала. Пойду, пожалуй...

— Нет, нет и нет. Не стоит оставлять в себе то, что вас мучает, — совершенно неожиданно заявил он. — Я ясно вижу, что вам чем-то не нравится имя Дима. Я бы и рад соврать, но уже поздно. Неужели мы не можем выпить чаю только потому, что меня не так мама назвала?

— Не в этом дело, — я попыталась отвертеться. Ну не входила в мои планы исповедь. Я достаточно замкнутый человек, особенно с некоторых пор. А о том, что же именно произошло с Димой, вообще не хотела говорить. Ни с кем. И так в свое время эта история обсасывалась на каждом углу.

— Отлично. Не в этом. Смотрите, Маша, я завариваю для вас вкуснейший земляничный ройбуш, с которым прекрасно сочетается горячее красное вино. Неужели все это не стоит того, чтобы плюнуть на мое имя? — Все-таки он действительно потрясающе улыбался. И когда он сменил халат на шорты и майку, стало ясно, что сорока ему еще нет. Либо только-только. Стройный, подтянутый, с небольшой залысиной, которая его тем не менее не портила. Он чем-то был похож на Кевина Костнера. Может, ледяными голубыми глазами, в которых отражается, с одной стороны, понимание и мудрость, а с другой — знание жизни и трезвый расчет. Он был очень уверен в себе и так красиво жонглировал мисками и кастрюлями, что я невольно засмотрелась.

— Что такое ройбуш?

— Это такой напиток, внешне похожий на чай, но он не содержит кофеина. И очень полезный. Понижает давление, — с этими словами передо мной поставили чашку чего-то очень нежного, с тонким земляничным ароматом. Такого я раньше не пила.

— Вкусно, — удивленно подтвердила я.

— Ну, что я говорил? А сейчас будет готов глинтвейн. Уверяю вас, такого вы еще никогда не пробовали, — он вошел в раж.

— Что вы, не надо, — смутилась я. — Я до двадцати не пью.

— Господи, ну что, мы будем спорить из-за каких-то жалких пары часов? — всплеснул руками этот псих ненормальный. Никто еще не спаивал меня с таким напором и изяществом.

— Все-таки это ненормально, готовить глинтвейн незнакомому человеку.

— Как это ненормально? — паясничал он. — Я обожаю спаивать красивых женщин вкусными напитками. И потом, если не будет глинтвейна, то что мы с вами будем пить на брудершафт? Чтобы перейти на «ты»?

— На «ты»? — удивилась я. Обычно со мной совсем несложно перейти на «ты». Для этого достаточно только начать мне тыкать. Вопрос — зачем столько сложностей и церемоний? Неужели чтобы... целоваться? Это невозможно, мы знакомы всего пять минут! Или возможно?

— Вы понимаете, — снова улыбнулся он, вручая мне дымящийся ароматный бокал, — мне так одиноко в этом незнакомом чужом городе. И вдруг... на пороге материализуется чудесное видение — доктор, спешащий спасти жизнь моей сумасбродной старушке тетушке. Как же я могу упустить такую возможность?

— А кстати, куда она все же делась? Ваша тетушка с приступом? — перевела разговор в более безопасное русло я.

— О, у нее были страшные боли и головокружения. Она стонала и причитала весь вечер.